

стратегий преподавателю РКИ/РКН необходимо учитывать сформированный уровень владения языком иностранными студентами, осуществлять контроль собственной речи. Педагогический дискурс включает коммуникативные стратегии, определяющие речевое поведение преподавателя и формирующиеся из конкретных речевых действий, обусловленных интенциями «объяснять», «оценивать», «контролировать», «содействовать», «организовывать».

1. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.

2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : КомКнига, 2006. 288 с.

3. Карасик В. И. Коммуникативный подход к изучению педагогического дискурса // Русский язык за рубежом. 2017. Вып. 5 (264). С. 4–8.

4. Цукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие. 6-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019. 508 с.

5. Некрасова Е. Ю. Особенности объясняющей коммуникативной стратегии преподавателя русского языка как иностранного // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. (22 мая 2020 г.). Омск : ОАБИИ, 2020. С. 297–300.

6. Клюев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для университетов и институтов. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.

7. Дрягина Е. А. Коммуникативные стратегии педагогического дискурса: обзор работ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131 (07). С. 1462–1469. URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/07/pdf/121.pdf> (дата обращения: 15.10.2020).

8. Гудина О. А. Специфика контролирующей стратегии в педагогическом дискурсе // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М. : Буки-Веди, 2014. С. 57–60.

© Некрасова Е. Ю., 2020

УДК 81'42

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-74-78

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И БЫТИЕ ТЕКСТА: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ВОЕННЫХ ПИСЕМ*

В статье исследуются практики институциональных дискурсов, направленные на сохранение текста в актуальной памяти новых поколений. На материале проектов 2020 г., приуроченных к празднованию 75-летия Победы, показано, как хранение военных писем становится креативным процессом реализации ценностных установок социума.

Ключевые слова: военное письмо, дискурсивная практика, научный дискурс, педагогический дискурс, музейный дискурс.

О. Ю. Николенко, Н. Д. Федяева, Н. Л. Варова

O. Yu. Nikolenko, N. D. Fedyayeva, N. L. Varova

HISTORICAL MEMORY AND BEING OF THE TEXT: DISCURSIVE PRACTICES OF ACTUALIZATION OF WAR LETTERS

The article examines the practices of institutional discourses aimed at preserving the text in the actual memory of new generations. Based on the material of the projects of 2020, arranged to coincide with the celebration of the 75th anniversary of Victory, it is shown how keeping military letters becomes a creative process of realizing the value attitudes of the society.

Keywords: military writing, discursive practice, scientific discourse, pedagogical discourse, museum discourse.

Год 2020-й — год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне — был наполнен событиями, посвященными столь значимой странице в истории России. «...Историческая память является ценностью, которая определяет как социальное, так и политическое поведение. 75-летний юби-

лей Победы в Великой Отечественной войне актуализирует проблему ее влияния на современную политику и общественное мнение», — таким образом определяют значение памяти о войне представители международного дискуссионного клуба «Валдай» [1].

* Исследование проведено в рамках проекта «Пылающий адрес войны»: устно-поэтическое и эпистолярное наследие Великой Отечественной войны как культурно-аксиологический феномен поликультурного региона (фольклорно-этнографическая экспедиция по Омской области) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (конкурс на предоставление грантов на проведение мероприятий по содействию патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации).

The article study was carried out within the framework of the project "The Burning Address of the War": the oral-poetic and epistolary heritage of the Great Patriotic War as a cultural and axiological phenomenon of a polycultural region (folklore and ethnographic expedition in the Omsk Region) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (competition for grants for events to promote the patriotic education of citizens of the Russian Federation).

Несмотря на статус Победы на аксиологической шкале общества, память теряет прежнюю остроту; если считать, что она относительно устойчива «...на протяжении двух или трех поколений знаний и представлений о коллективном прошлом своего социума...» [2, с. 26], и принять во внимание, что сегодняшние дети и подростки — это правнуки или даже праправнуки для переживших войну, то становится очевидным, что нужны нетривиальные усилия для поддержания памяти в актуальном состоянии. Эти усилия предпринимаются учеными, публицистами, музейными работниками, писателями, учителями и др. — иными словами, субъектами (агентами) различных институциональных дискурсов. В границах исследования мы обозначим комплекс действий субъектов дискурсов, направленных на сохранение исторической памяти, *дискурсивными практиками памяти*.

В центре нашего внимания — военные письма, т. е. письма, адресатом или адресантом которых был солдат/офицер Советской армии, отправленные и полученные в годы войны. Для нашего современника письмо в традиционной жанровой разновидности — написанное от руки на бумаге, пересланное по почте — «уходящая натура», в продлении бытия которой он вряд ли видит смысл. Ситуация осложняется еще и тем, что реальные фронтовые письма не обладают особой эстетической ценностью: бывшие в военные годы единственным средством редкой связи воюющего с домом, письма создавались второпях, без внимания к форме и сейчас, когда контекст их создания столь существенно отдален от нас, воспринимаются как малоинтересные. При этом для исторической памяти, определяющей место социума «...в историческом времени и пространстве» [2, с. 26], они не теряют своего значения.

Военные письма стали в 2020 г. объектом внимания в рамках различных дискурсов. Охарактеризуем несколько проектов, представляющих практики памяти, реализованные в музейном, педагогическом и научном (филологическом) дискурсах. Все упомянутые в статье проекты реализованы в Омске и Омской области.

Базой для описания дискурсивных практик стала модель дискурса, предложенная В. И. Карасиком [3]. Оговоримся, что термины «научный» и «педагогический» для атрибуции дискурсов употребляются нами вполне традиционно, термин же «музейный дискурс» не имеет широкого распространения и используется нами в значении «культурный дискурс в пространстве музейной коммуникации» (этот развернутый вариант принадлежит [4]).

Агентами исследуемых дискурсов, а в данном случае авторами проектов, стали музейные работники, учителя (в широком смысле этого слова), ученые. Клиенты, внимание которых пытаются направить на военные письма, — это посетители музеев, ученики, другие ученые, в том числе начинающие, и так называемая широкая аудитория. Сами военные письма, помимо того что являются функционирующим в дискурсах жанром, для проектов могут быть квалифицированы как основной материал и творческий объект. Ценности дискурсов, в принципе специфичные, в данном случае могут быть объединены: это Великая Отечественная война и память о ней как некие нравственные ориентиры в карти-

не мира нашего современника. Общая стратегия, реализацией которой являются проекты, — это, пожалуй, стратегия приобщения к культурному наследию. В свою очередь, дискурсивные практики, которые мы назовем и охарактеризуем ниже, представляют собой тактические инструменты достижения цели. Предваряя результаты анализа, скажем, что общим для дискурсивных практик является стремление «оживить» военное письмо, ввести его в микромир клиента дискурса.

1. Музейный дискурс. Дискурсивная практика «Инсценирование».

Традиционно военные письма в музее хранятся «за стеклом» — этот способ демонстрации экспоната щадящий по отношению к бумаге, но не имеющий большой привлекательности для посетителей, особенно молодых. В юбилейный год во многих музеях, в том числе в музеях Омска и Омской области, был представлен альтернативный вариант демонстрации, активизирующий процесс рецепции за счет новых форм. Оживление письма в пространстве музея осуществляется в этом случае посредством визуализации.

Так, в коллекции Русско-Полянского музея истории целины хранится подборка военных писем, в том числе переписка секретаря Русско-Полянского райкома ВКП(б), комиссара батальона К. И. Ступникова с женой Александрой. Новая экспозиция музея оформлена в виде уголка избы Ступниковых, за столом жена читает полученное письмо (см. рис.).

Фрагмент экспозиции Русско-Полянского музея истории целины. Фотография О. Бережной

Сами письма представляют своего автора не чуждым романтике и вообще эмоциональным проявлениям. Он, например, весьма разнообразно характеризует свое эмоциональное состояние (*воодушевление, надежда, отрада, чувства*), использует развернутые сравнения (*Надежды на будущее пусть в тебе живут, как живет капля крови в еще не остывшем теле; Народ только не хочет про них слышать, а просит уничтожить их* [войска противника. — О. Н., Н. Ф., Н. В.], *как самого яростного зверя...*) и т. п. Патетические высказывания соседствуют в письмах с будничными наказами (*Читай Устав и программу и подавай заявление в кандидаты ВКП(б)...*) и вопросами о семье (*Ну как мои сыны, здоровы? Пусть растут...*). Такое сочетание высокого и повседневного представляется чрезвычайно характерным для фронтовых писем, смысловое простран-

ство которых организовано на трех уровнях: описательном (факты и сведения), оценочном (чувства, переживания, оценочные суждения, придаваемые смыслы и значения) и коммуникативном (послания, наказы, советы домашним, запрос новостей и т. п.) [5, с. 58].

2. Научный дискурс. Дискурсивная практика «Исследование».

Эпистолярное наследие Великой Отечественной войны — ценный материал для описания лингвокультурологического пространства Омского Прииртышья, специфика которого заключается в интегративном сосуществовании десятков различных культур и языков при ведущей роли русского языка, реализующегося не только в литературной форме, но и в форме уникальных старожильческих русских диалектов.

Традиционно лингвокультурологическое описание региона начинается с целенаправленного сбора материала в полевых условиях. Многолетняя работа омских диалектологов привела к несомненным достижениям: Омское Прииртышье не является «белым пятном» на диалектной карте России, есть и научное лексикографическое издание, посвященное старожильческим говорам. Инициатором создания «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» [6] и редактором его трех основных томов, вышедших в 1992–1993 гг., была профессор Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ) Г. А. Садретдинова. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. вышли два выпуска дополнений к словарю [7; 8] под редакцией профессора Б. И. Осипова.

Сбор материала начался в 1949 г., так что словарь включает диалектную лексику второй половины XX в., а последний выпуск дополнений — также и начала XXI в. Над созданием словаря работали совместно преподаватели Омского пединститута (сейчас — Омский государственный педагогический университет), его Тарского филиала, а с момента открытия Омского государственного университета (1974) — и преподаватели этого вуза. Материал накапливался главным образом в ходе выездной диалектологической практики студентов. Основная картотека словаря находится в диалектологическом кабинете ОмГПУ, кроме того, в диалектологических архивах обоих вузов хранятся записи связанных текстов в исполнении диалектоносителей (как ручные, так и звуковые). Этот материал позволил заметно активизировать научно-исследовательскую работу по проблемам народно-разговорной речи в регионе (Б. И. Осипов, М. А. Харламова, Н. Н. Щербаква, О. Ю. Николенко, Л. С. Зинковская и др.).

Полевой сбор материала постепенно менял свою специфику и расширял географию: от концентрации на материале старожильческих говоров Среднего Прииртышья, фиксирующихся в северных районах Омской области, местах проживания потомков поселенцев, принесших в Сибирь русские говоры и народную культуру в XVI–XVII вв., до изучения языкового взаимодействия в районах смешанного населения русских и других народов Сибири, например сибирских татар, и в районах переселенцев второй волны на рубеже XIX–XX вв. из Белоруссии, Украины, Прибалтики, некоторых южных областей России.

Последние экспедиции (2010–2020) в полной мере выявили проблемы, отмеченные еще в конце 1980-х гг.: экспансия литературного языка приводит к постепенной утрате важнейших элементов культуры и национального быта, заключенных в образах русского диалектного слова. Основное хранилище диалекта — память диалектоносителя. В настоящее время активных носителей диалекта практически не осталось, однако латентные носители говоров еще могут при правильной организации беседы предъявить местный языковой материал, как правило лексику. Фиксация и сохранение этого бесценного материала — задача ученых.

Беседа с латентными диалектоносителями обычно строится по развернутой схеме, охватывает широкий круг тем, так как не ясно, в какой области есть сохраненные элементы. Часто активизируют употребление диалектной лексики воспоминания о детстве, рассказы о родственниках, о традициях и ритуалах. Новые технические возможности позволяют записывать большие тексты, в которых содержится не только материал языковой, но и культурный, этнографический, фольклорный. Внимание к такому материалу тоже должно быть задачей диалектолога.

Расцвет диалектологии в середине XX в. (Ф. П. Филин, П. Я. Черных, Ф. П. Сороколетов, О. Н. Трубаев и др.), использовавшей методы компаративистики и структуралистики, привел к концу XX в. к определенному кризису, который был преодолен в результате выработки новых подходов к изучению диалектного материала в новой антропоцентрической парадигме в соответствии с триадой «язык — сознание — культура» (В. В. Колесов, О. И. Блинова, С. А. Мызников, О. А. Черепанова, Т. А. Демешкина и др.). Идея комплексного экспедиционного наблюдения за жизнью народной культуры получила свое научное обоснование еще в 1960–1970-х гг., но ее актуальность не только не угасла, но возросла в связи с изменением парадигмы народного мышления, востребованностью изучения проблем национального менталитета и толерантности, что особенно важно для смешанного населения Сибири.

Таким образом, в научные задачи экспедиции входит и сбор сведений о бытовании и способах передачи разнообразных форм народной культуры в регионе с автохтонным и со смешанным населением, выявление новых языковых фактов, возникших в результате взаимодействия разных этнических и социокультурных традиций, исследование динамики локальных процессов в языке и культуре, создание социально-психологического портрета современного носителя народного языка и культуры. Целесообразно провести сравнительно-историческое исследование народных традиций и языка, бытующих в данных районах, с материалами, имеющимися в архиве.

Каково же место писем военных лет в комплексной системе изучения говоров?

Очевидно, что личные письма военных лет сохранили народно-разговорный язык 1940-х гг., в том числе язык местный. Великая Отечественная война — важнейший переломный момент в истории России XX в.: гибель на фронте членов семьи, миграция семей, потери родственных связей, изменение характера трудовой деятельности привели к изменению общих социокультурных установок. Начинает

необратимо изменяться и «малое» общество: местный язык (диалект) и весь местный уклад жизни. По сути, авторы солдатских писем, ушедшие на фронт из малых городов, сёл и деревень, — представители последнего поколения, в большей части не покидавшего места проживания своих предков на протяжении всей жизни. Это сохранившийся народный «голос» эпохи, позволяющий «услышать» исторические языковые региональные особенности, не зафиксированные другим способом (изучение диалектов Среднего Прииртышья, например, началось только в конце 1940-х гг.).

Интерес к региональным письменным текстам (как современным, так и историческим) со стороны диалектологии был всегда, однако личные письма, записки, дневники не ограничены рамками какого-либо книжного жанра и потому дают более широкое представление о народно-разговорной речи, чем летописи, регистрационные книги, описи, литературные сочинения.

Особое внимание к письмам рядового состава из малых населенных пунктов обусловлено и тем, что многие из солдат имели только общее начальное или среднее образование, в мирное время у них не было привычки излагать свои мысли на бумаге, писать письма. Оказавшись оторванными от семьи, дома, в состоянии постоянной угрозы для жизни, они испытывали огромную потребность в связи с родными людьми и реализовывали эту потребность в той форме, которая кажется им наиболее соответствующей неким традиционным канонам письма, но, безусловно, используя привычные языковые средства. В письмах проявляются и культурные привычки, особенности национального менталитета, местные традиции. Приведем в качестве иллюстрации только один пример. Канонически личное письмо начинается с приветствия и перечисления тех, кому оно адресовано непосредственно, а заканчивается перечислением тех, кому следует передать привет. В этот круг обычно включаются родственники, ближние и дальние, иногда — соседи и друзья. Как их именуют, называют ли родственный статус, в каком порядке перечисляют — всё это может служить основанием для выводов о составе семьи и иерархии в ней.

Как правило, в этих письмах акцент на личном, семейном, о военных событиях рассказывается в самых общих чертах, описываются только некоторые эпизоды, причина этому — и общее незнание рядовым составом ситуации, и цензура. Однако за этим бытовым и скудным, на первый взгляд, описанием военной жизни стоят мысли и чувства конкретных людей, всех вместе предпрешивших исход войны. Именно обращение к таким текстам помогает сформировать ценностные ориентации социума.

Аксиологическая составляющая эпистолярного наследия военных лет осознается обществом. Многие, но не все сохранившиеся письма уже собраны, обработаны, хранятся в музеях и архивах. Проведена огромная работа по расшифровке и изданию некоторых писем, консервации тех, что еще ждут своего изучения. В качестве примера такой важной работы приведем издание писем уроженцев Тарского района Омской области, подготовленное совместно Архивным отделом Тарского муниципального района и МБУК «Тарская централизованная библиотечная система» [9].

Однако для изучения языковых особенностей писем следует всё же обращаться к первоисточнику. Во-первых, в подобных изданиях, рассчитанных на массового читателя, орфография и пунктуация закономерно приближены к современным нормам; во-вторых, для историко-лингвистических исследований важны в том числе письма короткие, малоинформативные, которые обычно не публикуют.

В ходе экспедиции 2020 г. в Тарский и Тевризский районы Омской области в рамках проекта «Пылающий адрес войны...» мы составили сводный реестр писем, хранящихся в музеях, в том числе школьных, архивах, библиотечных отделах, семьях, сделали их фотокопии. Конечно, перечень далеко не полный. Этот материал может быть использован для дальнейшей работы: пополнения диалектологического и фольклорного архива, описания лингвокультурного наследия региона, исследования языковых и жанровых особенностей эпистолярных текстов, а также применен в дидактических целях при подготовке филологов, культурологов, историков, регионоведов, этнографов, музейных работников — всех, кто заинтересован в сохранении и актуализации истории, языка и народной культуры.

3. Педагогический дискурс. Дискурсивная практика «Вовлечение в коммуникацию».

Образовательные организации вполне ожидаемо откликнулись на годовщину Победы многочисленными мероприятиями. Среди них особое место занимают коммуникативные проекты; разные по замыслу и воплощению, они имеют общее: моделируется коммуникация «наш современник — фронтовик». Участники педагогического дискурса (преподаватели, школьники, студенты) оказываются вовлечены в это общение «сквозь время» в разной степени и разными способами.

Близкой к дискурсивной практике «Инсценирование», реализуемой в рамках музейного дискурса, является коммуникативная практика орализации — озвучания, перевода письменной речи в устную. Так, омские педагоги приняли участие в акции Министерства просвещения РФ «Учителя — герои Победы». Министр просвещения С. С. Кравцов 9 мая 2020 г. представил книгу «Письма военных лет», в которую вошли тексты писем учителей и учеников [10]. В рамках акции сегодняшние учителя и ученики читали вслух письма из этой книги, давая свой голос герою прошлого.

Если чтение чужого письма делает нашего современника не более чем квазисубъектом коммуникации, то в случае, когда проект предполагает создание оригинального текста, субъектность уже не будет мнимой. Упомянем в связи с этим конкурс «Письмо неизвестному солдату», проведенный Омским государственным техническим университетом при поддержке Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области. Создавая текст письма, участники — школьники и студенты — становились адресантами этой пренебрегающей временными ограничениями коммуникации. Отметим, что проекты, предполагающие создание подобных писем, довольно регулярно реализуются в разных городах России, при этом обнаруживается, сколь значимо корректное определение адресата. Как видим, в омском варианте он определен как неизвестный солдат — такой вариант, с одной стороны, позволяет

пишущему реализовать замысел письма, но с другой, вовлекая нашего современника в коммуникацию, сохраняет дистанцию между ним и анонимным адресатом. Вариант с идентификацией солдата может стать причиной моральных терзаний и разбирательств. Так, в 2018 г. в школах Санкт-Петербурга ученикам 4-х классов дали задание написать письмо на фронт отцу — «ученику предлагается представить, что его отец — солдат Великой Отечественной войны, находится на фронте, и он хочет написать отцу письмо» [11]. Задание возмутило родителей и расстроило детей: слишком значительное сокращение дистанции между адресатом и адресантом сделало коммуникацию чересчур личной. Попутно заметим, что, судя по приведенным в прессе примерам, письмом как жанром школьники овладели вполне успешно, однако, в отличие от реальных военных писем, в сочинениях оценочный компонент существенно превосходил описательно-фактологический и повседневно-бытовой, что делало эти тексты сугубо патетическими.

Подведем некоторые итоги.

Инсценирование, исследование и вовлечение в коммуникацию, рассмотренные в статье, являются, разумеется, не единственными практиками, реализуемыми в соответствующих дискурсах, однако весьма показательными. Среди свойств этих практик наиболее существенными нам представляются следующие.

Все три практики обнаруживают несомненное сходство в способе воздействия на клиента дискурса: это воздействие на ценностно-оценочные установки личности посредством вовлечения изначально неактуального текста в микромир человека. Ответ на вопрос, как именно «вдохнуть жизнь» в текст, созданный более 70 лет назад, и сделать его значимым для нашего современника, составляет содержание каждой из названных дискурсивных практик.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство: хоть мы и предприняли попытку локализовать практику в институциональном дискурсе определенного типа, мы в полной мере создаем условность этой локализации. Бросается в глаза междискурсивный характер практик, свидетельствующий о диффузности границ дискурсов и о перспективах гибридных форматов.

1. Образы войны в исторической памяти // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/obrazy-voyny-v-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 01.09.2020)

2. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34.

3. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Сарат. нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.

4. Кряжевских М. Ю. Коммуникационное пространство музея: формирование культурного дискурса : дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2012. 129 с.

5. Маркова О. И. Письма с фронта как документ военной эпохи // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8, № 12. С. 54–67.

6. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 т. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1993. Т. 1. 228 с. Т. 2. 244 с. Т. 3. 358 с.

7. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. ред. Б. И. Осипов. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. Вып. 1. 155 с.

8. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. ред. Б. И. Осипов. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2003. Вып. 2. 172 с.

9. Чтобы помнили... Великая Отечественная война в письмах солдат / сост. И. Н. Сумина. Омск : Амфора, 2015. 126 с.

10. Год памяти и славы // Минпросвещения России : офиц. интернет-ресурс. URL: <https://edu.gov.ru/activity/year2020> (дата обращения: 01.09.2020).

11. Чиновники ответили на критику школьного задания «написать отцу на фронт» // НТВ. Проект «Улицы неразбитых фонарей». URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2113544> (дата обращения: 01.09.2020).

© Николенко О. Ю., Федяева Н. Д., Варова Н. Л., 2020